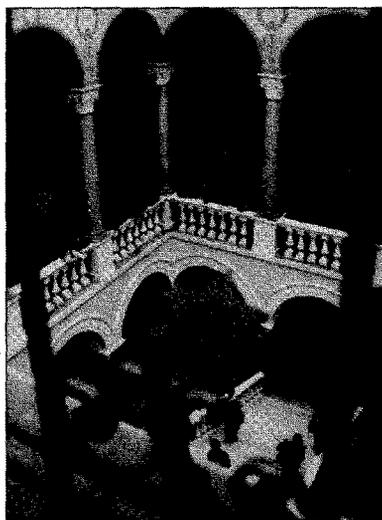

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

НАШ ДОМ НА МОХОВОЙ

(1952–2002)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
За рулем

МОСКВА, 2002

ОК 005-93; т.2; 953750
УДК 378.4(470-25):070
ББК 74.58(2-2 Москва)
Н.37

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Я.Н. Засурский (председатель),
Э.А. Лазаревич (зам. председателя),
М.И. Алексеева,
Б.И. Есин,
И.В. Кузнецов

Редакционная коллегия благодарит всех, кто принял участие в создании этой книги.

Особая благодарность Фонду «Московская программа общественного развития» и ОАО «За рулем», без чьей моральной и финансовой поддержки эта книга не увидела бы света.

Издание осуществлено при участии ООО «Агентства «Крон-Сервис»

В книге опубликованы фотографии **А. Бойцова**, **В. Бондарева**, **В. Вяткина**, **А. Галеева**, **Д. Донского**, **В. Калининского**, **Л. Лосевой**, **П. Маркелова**, **В. Мариньо**, **В. Шапошникова**, **С. Шахиджаняна** **А. Шпикалова**, а также из архивов преподавателей и выпускников факультета.

Наш дом на Моховой/Факультет журналистики МГУ: – М: ЗАО КЖИ «За рулем», 2002.
НЗ7 – 432 с. : ил.

ISBN 5-7776-0033-6, ISBN 5-85907-334-8

Книга «Наш дом на Моховой» – это воспоминания выпускников факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова о годах студенчества, о преподавателях и сокурсниках, воссоздающие не только жизнь факультета, но и реалии отечественных средств массовой информации на протяжении полувека.

Издание открывается вступительной статьей декана Я.Н. Засурского и включает краткую летопись жизни факультета за последнее пятилетие, рассказ о тех, кто был и остался нравственной и профессиональной опорой при подготовке журналистов, а также публикации из газеты «Журналист», заметки, эссе, очерки и множество фотографий.

Книга завершается именованным указателем выпускников, преподавателей и тех, кто защитил кандидатские и докторские диссертации в Ученом совете при факультете журналистики.

УДК 378.4(470-25):070

ББК 74.58(2-2 Москва)

ISBN 5-7776-0033-6
ISBN 5-85907-334-8

© Факультет журналистики МГУ, 2002
© Макет, оформление, ЗАО КЖИ «За рулем», 2002

разговор: как это – дедушка может быть не вечен?

Г. К. *И вас, значит, в крамоле уличили?! Ну и сюжет! Непременно надо этот разговор опубликовать. Пусть молодые почитают.*

Е. К. Для профилактики... На вас, значит, наш разговор подействовал, и болтать вы перестали?

Г. К. *Вы же сказали – знай, где и с кем. Был у меня хороший друг, каждый его приезд в отпуск был праздником. В 45 лет стихи написал: «Я пик своей судьбы прошел, и был он не велик...» И еще: «Я соскучился по тебе, снег, я не видел тебя пять зим...».*

Е. К. Он был журналист?

Г. К. Да, заграничный корреспондент. И полковник внешней разведки. Он тоже знал, что надо и в собственной стране быть Штирлицем.

Георгий Кузнецов,
выпуск 1967 года
кандидат филологических наук,
доцент

Я был очень маленьким

Факультет для меня начался с очаровательной улыбки Людмилы Евдокимовны Татариновой в угловой полукруглой аудитории старого здания МГУ. Людмила Евдокимовна была секретарем приемной комиссии, и именно к ней я обратился первый раз по прибытии в университет. И, кажется, эта ее улыбка до сих пор меня греет, и, мысленно оглядываясь на студенческие годы, я думаю, что женщины проявляли о нас какую-то особую материнскую заботу. А ведь они тогда еще ненамного были старше своих студентов.

В книге «Полвека на Моховой» Валерий Лысенко пишет, что на Сашу Шкляева, т. е. на меня, мои сокурсники смотрели как на вундеркинда. Я казался им школьником, которому учиться в университете еще рано. Но это было обманчивым впечатлением: на самом деле я разве что на один-два года был моложе других. Подводил мой маленький рост: 1 метр 47 сантиметров. Правда, через год мой рост был уже 1 метр 60 сантиметров. Помогла врач университетской поликлиники Мария Сергеевна Фершалова. Она повела меня в один из медицинских научно-исследовательских институтов, где меня обследовали и выяснили по ладоням, что «зона роста» еще не закрыта, и сделали все, чтобы я вырос.

Правда, из-за этого я не попал с ребятами на целину и на какое-то время, как говорится, оторвался от коллектива.

На первом курсе нашим куратором была В.В. Ученова. Она же вела у нас теорию печати, а сама училась на физическом факультете. Ведь она занималась проблемами популяризации научных знаний. С ней мы выпустили факультетскую газету «Журналист», под ее руководством прошли практику в заводских многотиражках. Виктория Васильевна была истинно увлеченным человеком, и ее энергия поиска невольно передавалась нам. Я с удовольствием вспоминаю обсуждения наших практик: так было интересно читать материалы своих сокурсников, замечать в них удачу и ошибки, обсуждать и ждать, какое обобщение сделает Виктория Васильевна. И нам очень нравилось, когда, расставаясь с нами после второго курса, она сказала, что если бы сейчас ей пришлось организовать свою газету, она всех нас взяла бы к себе.

Учась на 4 курсе, я стал посещать литературный кружок Валентины Николаевны Станиславлевой. Она давала нам читать какое-либо непрограммное произведение, и мы его обсуждали. Это были «Трали-вали» Ю. Казакова, «Седьмой спутник» Б. Лавренева и многое другое. Незапланированные занятия были живыми и нестандартными. Я увлекся литературой и взялся за изучение творчества Андрея Платонова.

В начале третьего года обучения в университете на меня поступила жалоба. Она была направлена прямо на имя ректора академика И.Г. Петровского. Суть ее заключалась в том, что я будто бы защищаю интересы частной собственности. А дело было так. В то время, в начале 60-х годов, шло наступление на личные хозяйства колхозников. Считалось, что люди в деревне, как и в городе, должны все силы отдавать общественному производству. Поэтому им не давали покосов, не создавались условия для развития подворья. Но без личного хозяйства в деревне жить было невозможно. Надо было каким-то образом заготовить на зиму сено, солому. Родители мои скосили стерню, которая должна была идти уже под пашню, и привезли домой, сложили на сеновал. Кто-то пожаловался. Правление колхоза устроило у нас несанкционированный обыск, вывезло корм на колхозную ферму, а поскольку я защищал своих родителей, на меня председатель колхоза и секретарь парткома колхоза написали жалобу. Об-

виняли меня в том, что я поощряю частнособственнические инстинкты. Естественно, жалоба была спущена на факультет, и события могли развиваться по разным сценариям: ее могли поставить на обсуждение на комсомольском собрании, в группе и т. д. Но кончилось тем, что меня пригласила заместитель декана Элеонора Анатольевна Лазаревич, познакомила с содержанием письма, спросила о некоторых подробностях и сказала: «Мы, конечно, не верим, что вы могли обворовать колхоз, и по письму ничего не будем предпринимать. Но когда поедете домой на каникулы, было бы хорошо, если бы поставили в известность секретаря райкома, как нечестно действуют руководители вашего колхоза». Но вскоре последовали известные события 1964 года, октябрьский пленум партии, смена руководства страны, были изменены составы парткомов. Разбираться уже смысла не было. Жалоба, наверное, до сих пор лежит в архиве, в моем личном деле. Но то, что Элеонора Анатольевна так безоговорочно поверила в своего студента и по существу встала на мою защиту, — это незабываемо.

В начале воспоминаний я сказал, что не был на целине. Это сказалося потом. Ребята везде бывали вместе, все знали друг о друге, а я все силы отдавал учебе. Вообще на курсе меня считали человеком, который только учится. Они знали, что я, например, на первом курсе конспектировал всю «Илиаду», главу за главой, и подтрунивали надо мной, а потом показывали меня первокурсникам: вот он конспектировал Гомера. А я это делал потому, что родным моим языком был удмуртский, я плохо знал русский и, обложившись словарями, каждый день осваивал по главе.

В силу своей деревенской наивности и некоторой замкнутости я нередко попадал в разные истории. Однажды, кажется, на третьем уже курсе, мне поручили написать корреспонденцию в нашу стенгазету о том, как студенты готовятся к летней производственной практике. Я поговорил с ребятами, видел, как они в читальном зале листают подшивки областных газет, знал, что некоторые уже ведут переписку с редакциями относительно своей будущей практики. Написал я обо всем, а также и о том, как студент Гриша Гитман «свежим глазом просматривает подшивку газеты «Красное знамя», выходящей в Сыктывкаре». На другой день утром прихожу и вижу: стенгазета висит, ребята толпятся около нее и что-то бурно обсуждают, смеют-

ся, подхожу — на полях своей статьи я уже замечаю восклицательные знаки, междометия, а строка о том, как Гитман «свежим глазом просматривает газеты, подчеркнута не один раз. Чем же она привлекла внимание ребят? Оказывается, Гитман некоторое время назад участвовал в какой-то потасовке, и ему, бедному, повредили глаз. Недавно ему сделали операцию и поставили новый, стеклянный. А я ничего об этом не знал. Пришлось извиняться перед Гитманом. Хорошо, что он оказался великодушным товарищем и не усмотрел в моем ляпсусе злого умысла.

Вообще, учась на факультете, мы получали ненароком настоящие уроки профессиональной этики. Помню, как на комсомольское собрание курса студенты параллельной группы вынесли вопрос о своем товарище, который публиковал во время практики чужие статьи, выдавая их за свои. То есть уличили в элементарном плагиате. Студента немедленно исключили из университета. И до сих пор думаю, правильно сделали.

Другой раз наши студенты разоблачили еще одного «писателя». В общежитии на Ленинских горах стали исчезать письма. Письма из дому приходят на пульт, их раскладывают, а студенты писем не получают. Выследили, поймали с поличным. Студент, с нашего же факультета, брал чужие письма, прочитывал их и выбрасывал в мусоропровод, оправдывая свои проступки тем, что собирает статью писателем и ищет сюжеты для своих рассказов. Конечно, он был немедленно исключен так же, как и студент, о котором рассказал при общении с нами Ясен Николаевич Засурский. Этот студент проходил практику в газете «Правда». Редакция направила его в дальнюю командировку, он напился, влез на верхнюю полку и потом в поезде плевал с верхней полки на соседей-стариков, дескать, вы — никто, а я — корреспондент «Правды».

Естественно, это были редкие исключения. Наш круг состоял из душевно щедрых, интересных людей. Просто в силу незрелости мы еще не ценили всего этого друг у друга. В нашей группе Лиля Соколова писала удивительные зарисовки, и я сказал ей однажды, почему бы тебе не писать рассказы, и она так простодушно ответила: «А зачем? Их написал уже Чехов». Среди нас была Света Кардаш, всегда готовая помочь всем. (Спустя лишь очень много лет я узнал, что родители ее были репрессированы, а она вот не потеряла доброты, не ожесточилась). К нам со сбор-

ником стихов уже приехал после армии Иван Подсвиров. «Они горбаты как верблюды, и мускулисты будто львы», — цитировал он свои стихи о дубах, и мне это очень нравилось. А Наташа Осьмакова нас посвящала уже в поэзию А. Ахматовой, Б. Пастернака и М. Цветаевой, имен которых к тому времени я еще и не слышал. Бывший военный летчик Володя Макаров учился с нами. Он был сдержан, малоразговорчив, но мы его очень уважали: чувствовали в нем основательность, жизненный опыт и трезвый ум.

После 4 курса летом мы были на месячных военных сборах в Вышнем Волочке. Жили в палатках, на территории дивизии. С нами был Леня Лазаревич. Он недавно женился, притом, говорили, что на дочери адмирала, и это сильно поднимало его в наших глазах. А однажды приезжала к нему жена, и Леня весь был на подъеме: он любим, к нему такое внимание. Вечером был особо общителен. Уже перед сном затеял разговор о журналистике и спросил у ребят, какие заголовки им удавалось придумывать к своим статьям. «Это самое трудное», — сказал он. «Вот у меня в жизни только один был классный заголовок». «Какой?» — спросили его. — «Я писал о врачах скорой помощи и назвал свой репортаж «Обгоняющие смерть». Все это я хорошо запомнил: Леня Лазаревич отличался своей независимостью, манерой свободно держаться, — теми качествами, которых мне не хватало. И тем более меня покорило один его поступок.

На нашем курсе учился Семен Мантейфель. Родом он был из Риги. Собирался стать спортивным журналистом. Всегда ходил с рулоном самых разных свежих газет в руке. И была у него одна невинная слабость. Он очень любил коржики. Не помню, чтобы он как-то нормально питался. Помню только, что он всегда в буфете брал коржик и стакан лимонада. Так вот когда нас однажды на сборах направили на шефскую работу в колхоз — вязать лен, дневальным оставили Мантейфеля. А он, оказывается, как только мы уехали, без разрешения ушел в самоволку и кинулся в городской ресторан за коржиком. Влетает в ресторан — а там наш полковник: сталкивается с ним с глазу на глаз. Мантейфель резко поворачивается назад и уходит. На другой день полковник вызывает Мантейфеля к себе и говорит: «Рядовой Мантейфель, вчера вы были в самоволке!» — «Никак нет, товарищ полковник!» — говорит тот. — «Рядовой Мантейфель, — настаивает полковник, — вы были

вчера в самоволке. Признавайтесь!» Тот упорно отказывается и утверждает, что полковник ошибается. Полковник вызывал Мантейфеля каждый день, и тот каждый день отказывался. И вот наступило долгожданное время: мы собираемся домой, гладим брюки, упаковываем чемоданы. Завтра рано утром мы покидаем расположение дивизии и уезжаем в Москву. Вечером на закате, когда мы толпимся в ожидании последнего солдатского ужина и делимся впечатлениями, к нам подходит полковник и, отдавая честь, говорит: «Рядовой Мантейфель, вы были в самоволке. Вы арестованы на двое суток!». Ребята обступили полковника, стали уговаривать: «Как так, товарищ полковник, нам уезжать, а наш товарищ здесь останется? Это жестоко». Но полковник стоял на своем. Ничто его не убеждало. Он решил Мантейфелю отомстить. Тогда в спор вступает Леня Лазаревич. «Товарищ полковник, — обращается он, — можно сказать?» — «Пожалуйста!» — разрешает тот. — «Товарищ полковник, а если потом выяснится, что рядовой Мантейфель не был в самоволке, вы отсидите за него на гауптвахте двое суток?» Это было так смело, так неожиданно, что раздался хохот, полковник только и смог сказать: «Молчать, Лазаревич!» и так и ушел, ничего не добившись.

После окончания факультета я, к сожалению, никогда больше не видел Леню. Он погиб в Нагорном Карабахе во время известных событий как журналист, выполняющий свои профессиональные обязанности в горячей точке.

Я еще три года был в аспирантуре. Здесь же защитил диссертацию. Эти дополнительные годы для меня были очень необходимы: я получил, можно сказать, второе образование и по-настоящему повзрослел и уже никогда не чувствовал себя ни маленьким, ни деревенским. Последний год учебы я посещал спортивную секцию. Меня заметил тренер по штанге и, узнав, что по существу осталось лишь несколько месяцев учебы, с горечью сказал: «Жаль, а нам так нужны были парни твоей весовой категории. Если бы раньше, ты бы у меня обязательно стал мастером спорта». И мне было жаль: я ведь так стеснялся своего маленького роста.

Спустя много-много времени я попал в очень далекое село Усть-Вымь — место, где Стефан Пермский в XIV веке крестил коми-зырян. По церквям, музеям и окрестностям села водил нас удивительно интересный и еще

совсем не старый человек. После экскурсии я спросил, местный ли он, если нет, как он здесь оказался. Сказал, нет, не местный, из Тулы. Сослан был и здесь остался. За что? Распространял произведения А. Солженицына. Из-за этого сослали? Говорит, да. Так ведь и я в те годы своим друзьям перепечатывал на пишущей машинке и раздавал и короткие рассказы, и «Письмо к съезду» А. Солженицына, абсолютно не думая о последствиях. Если со мной ничего не случилось, значит рядом были очень порядочные люди – мои друзья Саша Забаркин, Георгий Кузнецов, Ирина Мухранели, Аля Кузичева, Леонид Ермолинский, Сандро и Медея Тутмалишвили, Олег Бондаренко и Николай Халин. Сколько я от них получил в нашем общении. И как я им благодарен!

Всех чувств не передать...

Александр Шкляев,
кандидат филологических наук,
выпуск 1967 года

Наш человек в Тихом океане, или Рыба в воде

Специальным корреспондентом Камчатского областного комитета по радиовещанию и телевидению я избородил всю северную часть Тихого океана от Арктических широт Чукотки до экваториальных Гавайских островов, в водах которого некогда водилась пристипома – мечта гурмана, в

На путине в Беринговом море

соленом, копченом и прочих видах деликатес, пальчики оближешь.

Я бывал на рыбацких путинах в Беринговом море – лососевой, окуневой и др. в Охотском море – на сельдяной, крабовой, минтаевой и т. д., в Японском море – на ивасевой, скумбриевой – все экспедиции и не перечислишь. В морях в общей сложности провел около года чистого времени.

Ступал на палубы почти всех типов рыбодобывающих и обрабатывающих судов от малых сейнеров до мощных плавучих заводов, а также транспортов, рефрижераторов, танкеров, плашкоутов, катеров, ботов и т. п.

Будучи по восточному календарю Рыбой, в редких отпусках старался держаться поближе к воде. Однажды в группе полупрофессионалов прошел на надувных резиновых лодках через пороги, перекаты, гребенки, завалы Быстрой – реки, далеко не самой слабой категории сложности.

В другой раз меня понесло на парусной яхте типа фолькбот от Петропавловска-Камчатского до Командорских островов (по административному – Алеутский национальный район). С точки зрения здравомыслящих опытных штурманов идти на легком суденышке, предназначенном в лучшем случае для прибрежного плавания, в открытый океан было чистой воды безумием и безрассудством. Но экипаж яхты (в каютке еле-еле помешались двое, да и то лежа или в скрюченном положении) в составе капитана, механика и матроса, коим и был наш человек, благополучно перенес ряд испытаний, подложенных необузданной стихией, и за неделю, проходя в сутки примерно по сто с лишком миль, успешно достиг острова Беринга.

Еще в подготовительный период ко мне подходили настоящие морские волки и предупреждали: «Сергеич, одумайся. На таком малюсеньком суденышке лезть в пасть океану опасно. Он только на словах Тихий, а другое его название – Великий, то есть непредсказуемый, не знающий жалости, могучий во всех своих проявлениях. И спуска не дает никому. Так что опомнись».

Во многом серьезные люди были правы. Во всяком случае, яхта на самом деле была настолько мала, что я, сидя на кормовой банке, через борт рукой зачерпывал воду.

Но мы готовились два сезона. У нас командором оказался опытный моряк, имеющий звание «капитан дальнего плавания». Мы совершили несколько тренировочных